

Данилова Юлия Юрьевна, Фадеева Алёна Николаевна

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В РОМАНЕ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ "КЫСЬ"

Данная статья посвящена исследованию окказиональных номинаций в дискурсе романа Татьяны Толстой "Кысь". Рассматриваются модели образования окказионализмов, среди которых выделяются продуктивные и непродуктивные типы. Также авторами предпринимается попытка проанализировать и описать коммуникативно-прагматический потенциал окказиональных образований в процессе "диалога" автора и читателя, опосредованного текстом. Окказионализмы выступают как лингвокогнитивные маркеры романа: за авторской иронией прочитывается ее прагматика - демонстрация масштабов духовной, ментальной, этнокультурной мутации общества, т.е. национальной катастрофы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 45-48. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Абдуллаев З. Г.** Даргинский язык. М.: Наука, 1993. Т. 3. Словообразование. 443 с.
2. **Абдуллаева З. Р.** Система вокализма меусишинского говора даргинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31). Ч. 2. С. 13-16.
3. **Абдуллаев З. Г., Абдусаламов А. А., Мусаев М.-С. М., Темирбулатова С. М.** Современный даргинский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014. 614 с.
4. **Багомедов М. Р.** Топонимия Дарга: структурно-семантический аспект: монография. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013. 347 с.

ADJECTIVES OF THE DARGIN LANGUAGE ACTING AS AN ATTRIBUTE

Guseinova Madina Magomedovna

Dagestan State University

gusmadina@mail.ru

The article examines the adjectives of the Dargin language acting as an attribute. The category of attribution is analyzed using factual material not only of the Dargin literary language but of the certain dialects. The special attention is paid to the adjectives acting as an attribute which appear both in the appellative vocabulary and in the names of geographical objects identified in the different structural models of the toponymical units of the Dargin language. As the examples the author uses the material got from the works of Darginian folklore, literary works and the factual material gathered by the author in the field.

Key words and phrases: Dagestan languages; Dargin language; appellative vocabulary; names of geographical objects; adjectives acting as an attribute.

УДК 81'42

Филологические науки

Данная статья посвящена исследованию окказиональных номинаций в дискурсе романа Татьяны Толстой «Кысь». Рассматриваются модели образования окказионализмов, среди которых выделяются продуктивные и непродуктивные типы. Также авторами предпринимается попытка проанализировать и описать коммуникативно-прагматический потенциал окказиональных образований в процессе «диалога» автора и читателя, опосредованного текстом. Окказионализмы выступают как лингвокогнитивные маркеры романа: за авторской иронией прочитывается ее прагматика – демонстрация масштабов духовной, ментальной, этнокультурной мутации общества, т.е. национальной катастрофы.

Ключевые слова и фразы: окказионализм; модель образования окказионализмов; коммуникативно-прагматический потенциал; функциональная нагрузка; лингвокогнитивная трансформация.

Данилова Юлия Юрьевна, к. филол. н., доцент**Фадеева Алёна Николаевна**

Казанский (Приволжский) федеральный университет (филиал) в г. Елабуге

danilovaespu@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В РОМАНЕ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»[©]

Словотворчество писателя можно анализировать с двух точек зрения: как возможность реализации языковых словообразовательных типов (деривационный аспект) и как одну из составляющих его идиолекта (лингвопоэтический аспект). В художественных окказионализмах формальная новизна подчиняется смысловому аспекту, отражающему мировосприятие художника слова, индивидуальную картину мира, характерную для определенного идиолекта. Именно словотворчество позволяет выявить способы оценки внеязыковой действительности, элементы словообразовательного маркирования социально значимых, с точки зрения автора произведения, экстралингвистических факторов. Словотворчество определенным образом организует концептуальное пространство художественного произведения.

Художественные окказионализмы (лат. *occasionalis* – «случайный») в рамках данной статьи нами понимаются как лингвокогнитивные компоненты художественного дискурса и в таком своем качестве – элементы образной ткани произведения: «они не создаются для вхождения в язык; их задача – обслужить определенную художественную ситуацию» [12, с. 245]. Окказионализм возникает в контексте, формируется им и в то же время сам зачастую является текстообразующей единицей, поэтому рассматривать окказиональное образование любого типа следует только в его контекстной позиции, с учетом его контекстных лингвокогнитивных связей и авторской прагматики.

В этом плане для нас особый интерес представляет роман Татьяны Толстой «Кысь», название которого в лингвистической природе своей представляет окказиональное образование. Следует отметить, что работа в данной области уже ведется. Так, в статье И. В. Гладилиной, Е. Г. Усовик [4] рассматриваются лексико-семантические группы окказионализмов романа «Кысь»; К. И. Баранова, А. А. Фомин [3] исследуют окказиональный поэтоним «кысь» в рамках фоносемантического эксперимента.

Специфика данного исследования в отличие от вышеназванных работ заключается в предпринятой авторами попытке выделить и описать модели образования окказионализмов дискурса романа «Кысь», а также выявить их коммуникативно-прагматический потенциал.

Общеизвестно, что, несмотря на свою специфическую природу (высокий лингвокогнитивный потенциал и дискурсивную значимость), окказионализмы создаются по словообразовательным моделям конкретного национального языка. Так, Н. Г. Бабенко выделяет несколько типов окказионализмов: фонетические (новый звуковой комплекс передает некую семантику, обусловленную значениями звуков, его составляющих); грамматические (семантика актуализируется необычной грамматической формой); семантические (появление семантических приращений узуальной лексемы); лексические (комбинация различных узуальных основ и аффиксов в соответствии со словообразовательной нормой или отступлением от нее) [2, с. 11]. Исходя из данной классификации, в художественной ткани произведения нами были выделены несколько словообразовательных моделей окказионализмов: 1) окказионализмы, образованные путем сложения основ нескольких слов; 2) окказионализмы, получившие номинации по признаку, свойству или функции денотата; 3) окказионализмы, образованные путем изменения морфем (префиксов, суффиксов, флексий и т.д.); 4) окказионализмы, образованные в результате появления семантических приращений, коннотаций, – так называемые «семантические окказионализмы».

Методом сплошной выборки из текста романа «Кысь» было извлечено 36 окказионализмов, разных по своей семантике, структуре, концептуальной значимости. Полученное количество словоупотреблений условно принимается как 100% данного языкового материала.

Из общего числа особняком стоит сама заглавная номинация «Кысь», вынесенная в абсолютно сильную позицию текста. Известно, что любое заглавие по своей природе концептуально значимо (в сжатой, конденсированной форме передает суть произведения), в прагматическом отношении выполняет важные функции. Являясь ярким маркером текста, оно, прежде всего, выступает как средство воздействия на читателя. В этом плане окказионализм «кысь», как явление, с точки зрения узуса, аномальное, несет в себе высокий коммуникативно-прагматический потенциал: вызывает непосредственную реакцию, интерес читателя; кроме того, обладая особым статусом, «кысь», как «доминанта смысла», главным образом организует концептуальное пространство дискурса, является мощным средством текстопостроения.

«Кысь» – «абсолютный», «чистый» окказионализм; за данной номинацией какого-либо определенного значения в языковой практике не закреплено. По признанию самой Т. Толстой, с этого слова и начался ее роман. В своем интервью она вспоминает: «...*Это мы давным-давно как-то с мужем – он тоже филолог, как и я, сидели и играли в какую-то стихотворную чепуху. Если помните, в одном из переводов “Алисы в Зазеркалье” есть такие стихи: “...и хрюкотали зелюки, как мюмзики в мове”.* Мы тоже какую-то белиберду сочиняли в том же духе, и среди прочего в одном стишке, который мой муж написал гекзаметром, проскочило слово “кысь”. “Ворскнет морхлая кысь...”, сейчас дальше не помню. Я это слово подобрала, повертела, смотрю – женский род, третье склонение, мне понравилось. Ну а потом, как говорится, слово за слово...

– *Т.е. вначале было слово, а потом оно разрослось до трехсот страниц убогистого текста...*

– *До четырехсот... Помимо слов, там было еще и настроение – ночь какая-то, лес, болото... Пужлецу порскает...»* [10, с. 329].

Из интервью следует, что данное слово априори создавалось с установкой на окказиональный характер, поэтому семантический потенциал окказионализма, его концептуальное наполнение возможно определить только в его контекстной позиции. Приведем пример из текста: «*В тех лесах, старые люди сказывают, живет кысь. Сидит она в темных ветвях и кричит так дико и жалобно: кы-ысь! кы-ысь! – а видеть ее никто не может. Пойдет человек так вот в лес, а она ему на шею-то сзади: хоп! И хребетину зубами: хрусь! – а когтем главную-то жилочку нащупает и перервет, и весь разум из человека и выйдет <...>. Вот чего кысь-то делает»* [9, с. 7]; «*Бенедикту вдруг как-то тошнехонько станет! <...>. И в спине тоже вроде неудовольствие. И за ушами тягучка. И слона горчит. Другой раз кому пожалуешься, а тебе и скажут: это тебе кысь в спину смотрит»* [Там же, с. 52]. Таким образом, очевидно, что образ Кыси – персонафикация: некое незримое страшное существо, которое периодически возникает в представлении и мыслях главного героя Бенедикта. Сама Кысь в романе не фигурирует, отчего, вероятно, и является плодом воображения персонажей, суеверием, воплощением страха перед неизвестным и непонятым, перед темными «мутированными» сторонами собственной души.

В вышеобозначенные модели окказионализмов номинация «кысь» не вписывается: ее аномальная природа, как лингвокогнитивный нонсенс, приобретает эстетический эффект в восприятии читателя и вместе с тем ангажирует его к прочтению. Так, автором реализуется эмоционально-настраивающая тактика, формирующая у читателя определенный психо-эмоциональный настрой, на фоне которого он будет воспринимать и оценивать информацию, концептуальный макроуровень дискурса романа. Взаимодействие автора и читателя осуществляется по следующей коммуникативной схеме: «автор → интенция → заглавная номинация → читатель → восприятие → эмоциональный настрой → концептуальное пространство произведения».

Все остальные окказионализмы, обнаруженные нами в тексте романа Т. Толстой, созданы по определенным моделям словообразования.

Самой продуктивной является словообразовательная модель «окказионализмы, образованные путем изменения морфем», частотность которой составляет 51,4% (18 лексем). Это такие единицы, как «нудьга», «козляк», «перероженец», «свеклец», «грибыши» и др.: «*Красный стал, надулся как свеклец*» [Там же, с. 144]; «*Мясо берут, вермишель, орехи, хлебеду, грибыши, если кто запасся, – все*» [Там же, с. 47]. В данных примерах наблюдается добавление суффикса, тогда как в исходном варианте его нет: ср.: «свекла» – «свеклец» (добавление суффикса *-ец-*), «грибы» – «грибыши» (добавление суффикса *-и-*). В другом фрагменте: «...*глаза-то у него так и разбежались, ноги подкосились, руки затряслись, а в голове паморок сделался*» [Там же, с. 191] очевидна замена префикса *-об-* на префикс *-па-*, ср.: «обморок» – «паморок». Данные окказионализмы реализуют преимущественно одну и ту же функциональную нагрузку – попытка автором отразить мутацию языка и культуры, и тем самым обличить деградацию людей, ушедших от культуры предков. Следует отметить, что мутация происходит на всех уровнях языка¹. Это своего рода «лингвистическая катастрофа». Как и на протяжении всего дискурса романа, в данном случае реализуется тактика негативного реагирования, позволяющая автору сформировать желаемую читательскую позицию относительно сложившейся ситуации.

Окказионализмы, образованные путем сложения основ нескольких слов, составили 20% (7 лексем). Сюда вошли слова типа «клели», «хлебеда», «червырь», «слеповран» и др. В примере «*От то-то ты и дура!!! “Слеповран”! Слеповран без голоса, на то он и слеповран!*» [Там же, с. 52]; «слеповран» – номинация птицы, образованная посредством сложения «слепой» + «ворон» (точнее – старославянизм с неполногласием «вран»). Ворон – хищная птица с ярко выраженным резким, зловещим криком, что никаким образом не согласуется с представлением о нем героями романа, утверждающими отсутствие у него голоса. Так и довольно зоркий глаз, а также мотив выклевывания глаз вороном у жертвы [8, с. 202] тоже вполне противоречивы мысли о его слепоте. Так реализуется тактика трансформации традиционных представлений, подразумевающая конфронтацию в сознании читателя. Или: «*Показал амбары, где хлебеда хранится, садки рыбные показал, огороды*» [9, с. 166], где «хлебеда» образовано путем сложения «хлеб» и «еда» (по аналогии хлеб-соль). Однако возникают и другие ассоциации: «хлеб» + «лебеда» и «хлеб» + «беда» (явление фузии), которые также противоречивы по своей природе. В первом случае герои отождествляют хлеб с сорняком (значение моносеманта «лебеда» по словарю С. И. Ожегова – «травянистое или кустарниковое растение, засоряющее посеvy» [6, с. 361]). Во втором случае коренным образом рушится традиционное представление «Хлеб – всему голова», тогда как хлеб становится источником беды. Коммуникативно-прагматический потенциал данных окказионализмов не исчерпывается лишь одним стремлением показать интеллектуальный и духовный уровень героев, но и (в силу неоднозначной природы лексем, их концептуального содержания) свидетельствует об их противоречиях и метаниях. Так, главный герой Бенедикт, с увлечением прочитав не одну тысячу книг, остается все таким же безнадежно ограниченным (недалеким, глупым, бестолковым) «голубчиком».

Следующей по частотности (17,1%) является модель образования окказионализмов, получивших номинацию по признаку, свойству или функции денотата. Данная модель представлена словами «кругали», «желтунчики», «раззявые», «колобашки», «тыка», «дергун-трава». Например, «колобашки» в дискурсе «*Вот она волося на пряди разделит, водой намочит, али ржавью, и давай на деревянные колобашки накручивать*» [9, с. 181] употреблено в значении «бигуди» и, вероятнее всего, названо так оттого, что героиня их надевает на голову («башку»). Внутренняя форма окказионализма может быть подсказана этимологической справкой: древнерус. «коло» – «круг», «колесо» (в современном русском языке его производные – «кольцо», «около»). В данном случае налицо авторская попытка установить диалог с читателем, причем, с очевидной ориентацией на «подготовленного» читателя. Неслучайно литературные критики [1; 5, с. 472-478; 7] утверждают, что роман Т. Толстой предназначен не для массовой аудитории, а для высококолобого интеллектуального читателя. Так реализуется тактика апелляции к лингвокогнитивному потенциалу читателя, позволяющая говорить о том, что взаимодействие автора и читателя строится по следующей коммуникативной схеме: «профессионал → профессионал». В примере «*Во дворе желтунчики выросли*» [9, с. 157] окказионализм «желтунчики» – название цветов, имеющих желтую окраску, то есть «одуванчики». Здесь наблюдается замена внутренней формы: мотивировка «дуть» («одуванчики») изменяется на мотивировку цветом «желтый» («желтунчики»). Так, незнание номинаций денотативного пространства ведет к так называемой ложной (или народной) этимологии.

Менее частотными (14,3%) в дискурсе романа явились семантические окказионализмы, образованные в результате семантических приращений, которые существенно преобразуют семантику исходной узуальной лексемы, употребленной в художественном контексте, т.е. они контекстуально обусловлены. Данная модель представлена номинациями типа «склад», «прежние», «санитар», «последствие», «взрыв». Рассмотрим несколько примеров: «*Спервоначалу санитарам, не к ночи будь помянуты, после – мурзам, а там, глядишь, и нам перепадет*» [Там же, с. 23]. Дефиниция моносеманта «санитар» по толковому словарю С. И. Ожегова определяется как «младший медицинский работник, занимающийся гигиеническим уходом за больными и ранеными» [6, с. 697]. В дискурсе романа данное слово приобретает иное значение посредством контекстного импликационала лексического значения, т.е. посредством коннотативных сем. Так, в романе «санитар» – должность, по которой полагается следить за порядком и лечить инакомыслящих. Здесь мы видим, что

¹ Примеры фонетических трансформаций (в частности – окказиональных по своей природе) были рассмотрены и описаны в одной из статей А. Н. Фадеевой [11].

обязательным семантическим признаком данной лексики является концептуальное наложение узуальной архисемы «лечение» и потенциальной семы «кинакомыслящих». Функциональная нагрузка окказионализма состоит в ироническом (вплоть до сарказма) отношении автора к описываемому. Санитары «лечат» тех, кто посягнул на идеологию чтением «старопечатных книг». Так, традиционное представление «Книга – источник знаний» рушится, и на смену ему приходит «мутированное» представление о книге как о болезни, от которой необходимо «лечить голубчиков». Тактика иронии, реализуемая как в данном случае, так и на протяжении всего дискурса, дает возможность Т. Толстой выразить (хоть и имплицитно) критическое отношение к действительности. Аналогичным, на наш взгляд, является следующий пример: «*А кто после Взрыва родился, у тех Последствия другие, – всякие. У кого руки словно зеленой мукой обметаны, будто он в хлебеде «последствие» в толковом словаре актуализируется как «следствие чего-нибудь (напр.: последствия болезни)»*» [6, с. 568]. В дискурсе романа Т. Толстой данная лексема приобретает следующий план содержания: «последствие» – атавизм как результат радиационного облучения, т.е. с точки зрения узуса окказиональное, контекстуально обусловленное значение. Однако объяснение данного окказионализма не исчерпывается одним только физическим отклонением от нормы. «Последствия» – деградация как результат мутации во всех сферах жизнедеятельности героев: интеллектуальной, духовной, культурной.

Все вышеописанные нами окказиональные лексемы определенным образом организуют концептуальное пространство дискурса романа. Являясь элементами словообразовательного маркирования социально значимых факторов, они содержат высокий семантический лингвокогнитивный потенциал, заложенный автором и спрогнозированный им для декодирования читателем концептуально значимой информации. Так, функциональная нагрузка большинства окказионализмов романа «Кысь» – не что иное, как авторская прагматика и ироническое отношение к изображаемой действительности. За иронией автора скрывается и другая прагматическая установка – демонстрация ментальной, этнокультурной и, наконец, лингвокогнитивной мутации общества, что, в конечном счете, и есть национальная катастрофа.

Список литературы

1. Ашкерев А. Ю. Татьяна Толстая как зеркало русской интеллигенции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politolog.h11.ru/Tolstaya.htm> (дата обращения: 19.02.2015).
2. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: учеб. пособие. Калининград: Калининградский университет, 1997. 79 с.
3. Баранова К. И., Фомин А. А. Кысь в «Кыси»: смыслообразующий потенциал литературного онима и механизмы его реализации // Вопросы ономастики. 2010. № 1. С. 5-40.
4. Гладилина И. В., Усовик Е. Г. Окказионализм как сигнал интертекстуальности (на материале романов М. Е. Салтыкова-Щедрина и Т. Н. Толстой) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2013. № 1. С. 115-122.
5. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950-1990: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед.: в 2-х т. М.: Академия, 2003. Т. 2. 684 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Изд-е 4-е, доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2010. 874 с.
7. Парамонов Б. М. На «Кысь» Татьяны Толстой. Русская история наконец оправдала себя в литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guelman.ru/slava/kis/paramonov.htm> (дата обращения: 19.02.2015).
8. Токарев С. А. Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. 1147 с.
9. Толстая Т. Н. Кысь: роман. М.: Подкова, 2003. 320 с.
10. Толстая Т. Н. Непальцы и мюмзики: интервью журналу «Афиша» // Толстая Т. Н. Кысь. М.: Эксмо, 2003. С. 326-330.
11. Фадеева А. Н. Фонетическая трансформация как средство речевой характеристики персонажей романа «Кысь» // Сборник научных статей КФУ 2013 года: мат-лы итоговой науч.-образоват. конф. студентов. Казань: Казанский ун-т, 2013. С. 429-431.
12. Ханпира Э. Н. Окказиональные элементы в современной речи // Лингвистические исследования (на материале современного русского языка). М.: Наука, 1972. С. 245-317.

WORD-FORMATIVE MODELS AND COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC POTENTIAL OF THE OCCASIONALISMS IN THE NOVEL BY TATYANA TOLSTAYA “KYS”

Danilova Yuliya Yur'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Fadeeva Alena Nikolaevna

Kazan (Volga-Region) Federal University (Branch) in Yelabuga
danilovaespu@mail.ru

The article is devoted to investigating occasional nominations in the discourse of the novel by Tatyana Tolstaya “Kys”. The paper analyzes the models for the formation of the occasionalisms among which the productive and non-productive types are distinguished. The researchers also try to analyze and describe the communicative and pragmatic potential of the occasional formations in the process of a “dialogue” between an author and a reader mediated by the text. Occasionalisms serve as the linguo-cognitive markers of the novel: beyond the author’s irony its pragmatics is identified – showing the level of the spiritual, mental, ethnocultural mutation of the society, i.e. national disaster.

Key words and phrases: occasionalism; model for the formation of the occasionalisms; communicative and pragmatic potential; functional load; linguo-cognitive transformation.